

Олег Заславский

Аномалия как структурообразующее свойство

(о стихотворении А. С. Пушкина "Брови царь нахмуря...")

Брови царь нахмуря,
Говорил: Вчера
Повалила буря
Памятник Петра.
Тот перепугался.
«Я не знал!.. Ужель? –
Царь расхохотался, –
Первый, брат, апрель!

Говорил он с горем
Фрейлинам дворца:
Вешают за морем
За два <...> ...
То есть разумею,
Вдруг примолвил он,
Вешают за шею,
Но жесток закон...
[1, т. 2, кн. 1, с. 430.]

Введение

До недавнего времени загадочное стихотворение А. С. Пушкина "Брови царь нахмуря..." почти не было предметом исследований. Оно упоминается в обширных комментариях Б. Л. Модзалевского [2], однако они относятся все же в основном не к самому этому стихотворению, а к сопутствующим обстоятельствам (письму А. А. Дельвига, в котором содержалось это стихотворение, и упоминаемым в нем персонам и реалиям). В относительно недавнее время появилась работа Н. И. Михайловой о возможном источнике этого стихотворения – анекдоте,

сохранившемся в бумагах Н. Н. Кукольника [3]. Однако и эти сведения, любопытные сами по себе, еще не приближают нас к пониманию смысла данного стихотворения. Параллель с анекдотом о шутке царя могла бы оказаться существенной, если бы и само стихотворение было не более чем шуткой. Однако даже поверхностный взгляд на стихотворение интуитивно препятствует такому заключению. Неслучайно Ю. М. Лотман заметил по его поводу, что оно, возможно, отнюдь не является таким уж шуточным [4, с. 128].

Существенное продвижение к пониманию стихотворения произошло недавно. В. С. Листов сделал интересное наблюдение, что слово "Тот" в 5-й строке является по-видимому эвфемизмом, характерным для упоминания черта [5]. Однако интерпретация этого слова как эвфемизма сама по себе, как нам представляется, еще недостаточна для идентификации собеседника царя как черта. Здесь требуется согласованный анализ стихотворения в целом, который бы позволил определить место "Того" в общей системе. Такой анализ предложен ниже. Он охватывает не только вопрос о черте, но относится ко всей структуре текста. Забегая вперед, скажем, что результаты этого анализа, по нашему мнению, подтверждают предположение В. С. Листова.

Двухчастная структура

Стихотворению свойственна ярко выраженная дуальная структура. Оно естественным образом разбивается на 2 части. 1-я часть включает 1-е и 2-е четверостишия, 2-я часть – 3-е и 4-е. В свою очередь, каждая из двух частей членится еще на две: в ее первых четырех строках содержится шуточная выдумка, в следующих четырех – ее опровержение самим царем (причем опровержение в обоих случаях совершается в последних двух строках). В обеих частях происходит пространственная трансформация – превращение зоны верха в зону низа или взаимная инверсия между ними. В 1-й части сверху вниз падает памятник. Как известно, памятник Петру (Медный всадник) включает в себя коня, передние ноги которого оторвались от земли, так что конь как бы совершает движение вверх. Причем всадник и его конь находятся на постаменте. Поэтому, если бы буря действительно повалила памятник, получился бы двойной эффект: памятник падает с постамента сверху вниз, а направленный вверх жест коня перестает быть актуальным.

Во 2-й части сообщается, что вешают за орган, принадлежащий сфере низа. Если представить себе, что вешали бы тем способом, который описан в 4-й строке 2-

й части, то тело казнимого неизбежно перевернулось бы вниз головой и вверх ногами. В 7-й строке уточняется, что все-таки вешают за орган верха (шею) – в этом смысле низ (в шутке) и верх (в "реальности") еще раз меняются местами.

Двухчастность проявляет себя и в описываемой конкретике: в фантазиях царя посягательству подвергается парный орган казнимого.

Пространственный переворот параллельно сопровождается переворачиванием фундаментальной оппозиции между жизнью и смертью, поскольку непосредственным орудием казни становятся манипуляции с органом, который является источником жизни.

Обе катастрофы (и свержение памятника и казнь) носят "кастрационный" характер, связанный с вычеркиванием объекта: после упавшего памятника остается пустой пьедестал; способ казни, описанный во 2-й части, чреват вырыванием тестикул из тела.

Помимо физических посягательств на объект, происходят также покушения семиотические. В 1-й части посягательству сначала подвергается изображение (памятник). Затем в рассказе об этом табуируется подлинное имя собеседника, т.е. оно в определенном смысле тоже подвергается насилию (вычеркивается). Во 2-й части употребляется слово, которое обычно табуируется в публичной речи и которое явно нарушало бы общепринятые нормы при обращении мужчины к женщинам.

В обеих частях первоначально нарушенная норма восстанавливается. В 1-й части оказывается, что на самом деле памятник стоит на месте. Во 2-й части – что на самом деле вешают "нормально". В обеих частях норма переплетается с аномалией. Так, в 1-й части оказывается, что шуточный рассказ звучит в день (1 апреля), который относительно остальных "нормальных" дней является аномалией. Во 2-й части утверждается, что закон предписывает вешать за тестикулы (аномалия "нашего" мира является нормой "заморского"), однако этот воображаемый закон на самом деле нарушается ("вешают за шею"). То есть в реальности торжествует норма (как она понимается в "нашем" мире). Однако это торжество нормы относится к способу умерщвления, из-за чего и "восстановление нормы" выглядит как происходящее в мире смерти, т.е. "том" свете. В пользу связи с "тем" светом свидетельствует и название "за морем". Во-первых, это непосредственное указание, что соответствующий мир противопоставлен "нашему". Во-вторых, отделенность водной преградой от "нашего" мира – стандартное фольклорно-мифологическое свойство "того" света.

Дуальная структура стихотворения сама по себе оказывается содержательным свойством. Она демонстрирует, что вместо обычного противопоставления нормы и аномалии происходит противопоставление разного вида аномалий. Из-за этого представленный в стихотворении мир оказывается в целом тотально деформированным и неадекватным.

Присутствие черта

Как дополнительный аргумент в пользу присутствия черта, В. С. Листов привел мнение Ахматовой, что высший петербургский свет «оказывается филиалом ада» [6, с. 232]. К этому можно добавить параллель "тот свет" – "высший свет", которая применительно к "Уединенному домику на Васильевском" была отмечена И. П. Смирновым [7, с. 214]. Причем в данном случае предполагаемому черту из 1-й части стихотворения соответствуют фрейлины дворца из 2-й части, т.е. представительницы даже не просто светского общества, а связанного непосредственно с царем. Сам же "тот свет", представителем которого является черт, значим в стихотворении по причинам, указанным выше.

Обращение царя к собеседнику носит характер *шутки*. Однако один из эвфемизмов черта – как раз "шут". В стихотворении можно также увидеть и само имя черта, хотя и в косвенном виде. В нем упоминается 1-е апреля. Но апрель – это ЧеТвеРТый месяц. Появление анаграммы в таком контексте содержательно мотивировано, так как неявное представление имени черта сродни эвфемизму.

Событие, когда буря сбрасывает с пьедестала Медного всадника, – это нечто невероятное. Про такое можно только сказать – "дьявольские козни". Но тогда становится понятным, почему же Тот перепугался: он воспринял слова царя как обвинения в несанкционированных "кознях". Тогда как такое возможно только в качестве выполнения задания. Ср. в "Сцене из Фауста": там Мефистофель сам просит задать ему задачу. Также в "Сказке о Балде" черт выполняет трудные задачи.

Из наличия "козней" следует дополнительный вывод. Два действия, описанные в обеих частях стихотворения, оказываются связаны словесно: во 2-й части представлена картина *казни*, а в 1-й – *козней*. То обстоятельство, что события обеих частей связаны отсутствующими (невидимыми) словами - посредниками, обусловлено мотивом табуирования и удачно вписывается в общую структуру. Подобное же явление можно усмотреть и в сопоставлении обеих шуток из обеих частей стихотворения: говоря "с горем", царь тем самым говорит *сокрушаюсь*. Но в 1-й части он говорил именно о *крушении* статуи. Такое сопоставление может

служить намеком на (воображаемую, но в действительности у царя отсутствующую) силу царского слова. (Здесь мы встречаемся с проявлением общего феномена, характерного для поэзии, хотя и недостаточно изученного – см. по этому поводу раздел "3. Поэтика "отсутствующих звуковых посредников" работы [8, с. 24 - 26], где приведен целый ряд таких примеров и ссылки на предшествующие работы этого направления. Применительно к поэтике Пушкина см. об этом недавнюю работу [9] и приведенную там литературу.)

Незванное слово проявляет себя в сюжете о черте еще одним образом. Поскольку, как следует из наблюдений работы [5], черт оказывается привычным собеседником царя, то получается реализация формулы "черт с ним" – еще один штрих к вопросу об отношении Пушкина к Александру I.

Три слабых силы

В конечном итоге получается, что в стихотворении изображены 3 силы – царская, сверхъестественная (нечистая), мужская, и *все три терпят поражение*: памятник падает, черт пугается, приговоренный к повешению фактически подвергается кастрации. Но во всех трех случаях победа над такой силой мнимая или чисто условная: памятник никуда не падал, черт обманут лишь в один выделенный день года, "за морем" на самом деле вешают за шею. Условность победы над такой тройной силой лишь подчеркивает, по контрасту, что она исходит от "слабого и лукавого" властителя.

В своих фантазиях царь оказывается разрушителем, а придуманный им мир – воплощением аномалий. В 1-й части это – единичный эксцесс, во 2-й – правило. В 1-й части аномальному преобразованию подвергается признак славы, во 2-й – ритуал позора и умерщвления. В 1-й части аномалия связана с исключительной личностью, во 2-й – относится к целому множеству казнимых через повешение. Царь выступает как бессильный "демиург наоборот", мысленно создавая противоестественный мир, структура которого деформирована сразу на нескольких основных уровнях по сравнению с миром обычным. Поэтому и неудивительно, что творец такого антимира находится в контакте с чертом – представителем антимира традиционного [5]. При этом и сам черт оказывается пугливым и бессильным слугой царя.

Список литературы

1. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М. – Л.: АН СССР, 1937–1949.

2. Пушкин. Письма. Под редакцией и с примечаниями Б.Л. Модзалевского. Т.1 (1815-1825). М.; Л., 1926. С. 517-518.
3. Михайлова Н.И. «Брови царь нахмуря» // Лирика А.С. Пушкина: комментарий к одному стихотворению. М., 2006. С.142-144.
4. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.
5. Листов В. С. О стихотворении "Брови царь нахмуря..." // Судьба коренного поэта. Большое Болдино – Арзамас. АГПИ. 2012. С. 33 – 39.
6. Ахматова А. А . О Пушкине. Статьи и заметки. Изд. 2-ое. Горький, 1964.
7. Смирнов И. П. "Уединенный домик на Васильевском" и "Повесть о Савве Грудцыне" // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. — Т. 9. — С. 207—214.
8. Двинятин, Ф. Из заметок по поэтике Ахматовой // На меже меж голосом и эхом. Сборник в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М.: Новое издательство, 2007. С. 21 – 29.
9. Заславский О. Б. О звуко-смысловых переключках и межъязыковой интерференции в "Выстреле". Практики и интерпретации. 2017. № 4. Стр. 132 - 143. DOI 10.23683/2415-8852-2017-4-132-143